Information about the authors

Anna S. Myakokhod, Postgraduate student of the Department of Theory and History of Culture; St.-Petersburg State Institute of Culture (1 lit. A, Millionnaya st., Saint-Petersburg, 191186, Russia)

Olga V. Prokudenkova, Ph.D. in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture; St.-Petersburg State Institute of Culture (1 lit. A, Millionnaya st., Saint-Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 30.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 04.07.2025

Научная статья / Article

УДК 168.522

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-3-64>

Феномен постчеловека: идентификационные поиски

Марина Максимовна Нечаева¹,

Галина Михайловна Казакова²

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹ Lmm-95@mail.ru

² kazakovagm@mail.ru

Аннотация. *Одной из важных антропологических проблем современного гуманитарного знания является сложность определения современного состояния человека и его возможного будущего образа — постчеловека. В отечественной научной мысли идентификационные характеристики постчеловека практически не отражены, а его основная сущность определяется как результат технологической трансформации человека вида *Homo sapiens*. При этом в научном дискурсе употребляется множество терминов для обозначения нового (не)человека. Но каждый из них отражает лишь его отдельную сторону, не определяя его сущности. Цель данного исследования — обозначить идентификационные черты постчеловека как феномена. Для достижения цели и формирования идентификационных характеристик постчеловека применены системно-культурологический и феномено-*

логический подходы и методы родо-видового и компаративистского анализа. Системно-культурологический подход используется при анализе зарождения постчеловеческого в рамках концепций трансгуманизма и постгуманизма, на основе антропологических и онтологических основ исследования человека, в результате чего возможно формирование принципов «новой антропологии» для понимания сущности постчеловека как феномена. Основные характеристики постчеловека в контексте феноменологического подхода рассматриваются через новый эволюционный скачок развития; преодоление границы человеческого и технологического; иммортализм — систему взглядов, основанную на стремлении избежать смерти или максимально ее отдалить; «новую мораль» и нравственные установки, а также внеидентичность.

Ключевыми идентификационными характеристиками постчеловека являются: феноменальные физические и интеллектуальные характеристики; «сверхсознание»; доминанта сверхрационального; потенциальное бессмертие; система «новой морали»; над- или вне-идентичность. А для возникновения постчеловека недостаточно только технологического изменения, необходимо формирование нового социального сознания, а значит, «нового тела культуры».

Ключевые слова: постчеловек, трансчеловек, человек, постгуманизм, трансгуманизм, антропоцентризм, деантропологизация, «новое тело культуры», киборг, E-Нито, E-человек, биоробот

Для цитирования: Нечаева М. М., Казакова Г. М. Феномен постчеловека: идентификационные поиски // Человек. Культура. Образование. 2025. № 3. С. 64–86. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-3-64>

The Phenomenon of the posthuman: identification quest

Marina M. Nechaeva¹, Galina M. Kazakova²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ lmm-95@mail.ru

² kazakovagm@mail.ru

Abstract. One of the important anthropological problems of modern humanitarian knowledge is the difficulty of determining the current state of a person and his possible future image — the posthuman. In Russian scientific thought, the identification characteristics of the posthuman are practically not reflected, and its basic essence is defined as the result of the technological transformation of the human species *Homo Sapiens*. At the same time, many terms are used in the scientific discourse to denote a new (non-) person. But each of them reflects only its separate side, without defining its essence. The

purpose of this study is to indicate the identifying features of the posthuman as a phenomenon. To achieve the goal and form the identification characteristics of the posthuman, systematic cultural and phenomenological approaches and methods of genus-species and comparative analysis are applied. The system-cultural approach is used in the analysis of the origin of the posthuman within the framework of the concepts of transhumanism and posthumanism, based on the anthropological and ontological foundations of human research, as a result of which it is possible to form the principles of a «new anthropology» for understanding the essence of the posthuman as a phenomenon. The main characteristics of the posthuman in the context of the phenomenological approach are considered through a new evolutionary leap in development; overcoming the boundaries of human and technological; immortalism is a system of beliefs based on the desire to avoid death or to put it as far away as possible; «new morality» and moral attitudes, as well as non-identity.

The key identification characteristics of a posthuman are: phenomenal physical and intellectual characteristics; «superconsciousness»; the dominant of super-rational; potential immortality; the system of «new morality»; over- or beyond-identity. And for the emergence of the posthuman, only technological change is not enough, but it is necessary to form a new social consciousness, and, therefore, a «new body of culture».

Keywords: *posthuman, transhuman, human, posthumanism, transhumanism, anthropocentrism, deanthropologization, «new body of culture», cyborg, E-Humo, E-man, biorobot*

For citation: Nechaeva M. M., Kazakova G. M. The Phenomenon of the posthuman: identification quest. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 3: 64–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-3-64>

Введение. Понятие «постчеловек» было введено в научный оборот в 90-х годах XX века. Проблема его идентификации сегодня особенно актуальна и анализируется как в отечественных, так и в зарубежных научных сообществах. Повышенное внимание к его сущности и определению вызвано динамичным культурным и научным развитием, технологическим прогрессом, развитием виртуального пространства и искусственно-го интеллекта (далее — ИИ), размыванием границ между человеком и машиной/роботом/техникой. Цель данной работы — в контексте феноменологического подхода выявить идентификационные черты постчеловека. В статье предпринята попыт-

ка проанализировать различие подходов к определению постчеловека и культурно-социальные предпосылки его появления.

Актуальность данного изыскания обусловлена тем, что в современных научных исследованиях не приводятся идентификационные характеристики постчеловека; как правило, его обозначения сводятся к определению через трансчеловека — технологически усовершенствованного человека. При этом в научном дискурсе употребляется множество терминов для обозначения нового (не)человека: сверхчеловек (Ф. Ницше), E-Homo (А. Н. Задворнов), E-существо (А. А. Блонкин), Homo intelligens (Ёнедзи Масуда), киборг, биоробот, улучшенный человек, человек будущего, человек с расширенными возможностями (технологически усовершенствованный) и др. Но каждый из них отражает лишь его отдельную сторону, которая не определяет его как новый вид, возможный после вида Homo sapiens.

Среди зарубежных исследований данной области можно выделить следующих авторов: Н. Бостром (обозначение трансчеловека и технологических трансформаций, определение постчеловека), Ферейдун М. Эсфендиари (определение и описание трансчеловека), Ёнедзи Масуда (введение Homo intelligens и описание его основных характеристик), Д. Харауэй (расширенное понимание киборга), И. Хассан (анализ постгуманистической реальности и культуры) и др. В отечественных исследованиях можно выделить следующих авторов: В. А. Лекторский (о человеке в современной культуре), Н. Н. Ростова (анализ человека в современной культуре, человека на границах человеческого и животного, человеческого и технологического), А. И. Криман (особенности постгуманизма, сравнительный анализ постгуманистической и трансгуманистической философии, анализ пост(не)человеческого и др.), В. А. Кутырев (критический анализ трансгуманизма и постчеловеческого, анализ постмодернизма), С. С. Хоружий (проблема постчеловека и анализ трансформации человеческого в современной культуре), А. В. Павлов (философия постгуманизма и трансгуманизма, анализ состояния постпостмодернизма) и др.

В работе также для разграничения понимания человека в зарубежной и отечественной научной мысли приводятся взгляды советской научной школы, связанные с определением человека, его сознания и мышления посредством деятельностного подхода

(Э. В. Ильенков, В. А. Лекторский, М. С. Каган, В. С. Степин), а также попытки соотношения человека с искусственным человеком (А. С. Арсеньев, Э. В. Ильенков, В.В. Давыдов). Понимание, кто такой человек, необходимо для обозначения постчеловека.

Особое внимание хочется обратить на следующие работы, вышедшие в последнее время: Н. Н. Ростова «Человек на границе животного мира», «Проблема человека в современной философии», А. И. Криман «Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма», В. А. Лекторский «Возможно ли постчеловеческое будущее?», А. И. Криман «Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому», А. Н. Задворнов «Е-Номо и постчеловек: на пути к эволюционному расколу», А. В. Павлов «Постпостмодернизм: как социальная и культурная теория объясняют наше время», В. В. Карякин «Гибридные интеллектуальные системы как симбиоз естественного и искусственного интеллектов» и др.

Методы исследования, теоретическая база. В качестве основной методологии в данном исследовании применены системно-культурологический и феноменологический подходы. Системно-культурологический подход позволяет спрогнозировать эволюцию постчеловека в дуализме процессов антропологизации/деантропологизации и его возможное воплощение как результат системного развития культуры и общества. Феноменология позволяет выделить существенные черты постчеловека с позиций беспредпосылочного опыта познающего сознания. Основные характеристики постчеловека при этом рассматриваются через новый эволюционный скачок развития; преодоление границы человеческого и технологического; иммортализм — систему взглядов, основанную на стремлении избежать смерти или максимально ее отдалить; «новую мораль» и нравственные установки, а также внеидентичность.

Для выделения и определения постчеловека и пост-(не)человеческого используются методы родовидового и компаративистского анализа, посредством которых выделяются основные идентификационные характеристики постчеловека в ряду родовых понятий (человек, сверхчеловек, трансчеловек, киборг, Е-Номо, Е-существо, Номо intelligens, биоробот, улучшенный человек, человек будущего, технологически усовершенствованный человек), его уникальные и существенные черты.

Результаты исследования и их обсуждение. Триада «человек — трансчеловек — постчеловек». Проблема человека волновала мыслителей с древнейших времен. Платон определял человека сквозь призму его души, которая является центральной в его антропологическом дискурсе. Она делает человека мудрым и разумным. Связывает его с миром идей, что позволяет познавать истинную природу вещей [1, т. 3, с. 30]. Сократ руководствовался идеей «Познай самого себя» — выводил тем самым проблему познания в строго антропологическое русло. Аристотель также указывал, что человек есть в первую очередь ум [2, т. 4, с. 283]. Сенека идеал человека видел в мудреце, который подчиняет свою природу, страсти и жизнь разуму [3, с. 128]. Аврелий Августин рассматривает человеческую природу через борьбу двух воль, одна из которых ведет человека к добродетельному, другая к греховному [4, с. 260]. Вера и Бог являются в этом мировидении основными определяющими жизнь человека. Франческо Петрарка говорил о том, что человек есть тайна, которую необходимо познавать всю жизнь [5, с. 92]. Джованни Пико делла Мирандола акцентировал внимание на свободе человека к самоформированию. Бог, пишет он в своей «Речи о достоинстве человека», сделал человека неопределённым, чтобы тот сам решил, кем стать. Он поставил его в центр мироздания, сделал его не смертным и не бессмертным, чтобы он сам оформил себя таким, каким пожелает [6].

Примеров определения человека более чем достаточно, и приведенные здесь позиции во многом определили западноевропейскую антропологическую линию идентификации человека. Однако антропологическая проблема в XX веке встала острее, чем была ранее, и мыслители осознали, что за онтологическим познанием мира забыли о самом человеке, который до сих пор не познан. В первую очередь это было обусловлено разрушением мифа о «рациональном и культурном» человеке, который сформировался в рамках европоцентричного антропогенеза. Мыслители были уверены, что человек — это открытая книга и нет ни единого аспекта его сущности, который бы остался скрытым от исследователей. Но разрушения и катастрофы XX века, вызванные деятельностью человечества, кровавые революции, войны, концлагеря и геноцид открыли в человеке то, что долго пряталось за «фасадом» культуры. Это актуализировало путь

к рассмотрению человека сквозь призму биофизиологического, который актуален и в современном мире. Н. Н. Ростова говорит, что стирание границ между человеком и животным в современной западной философии восходит к Аристотелю, который определял человека через схожесть его организма с животными. В частности, примечательна позиция П. Слотердайка, который говорит, что человек — это в первую очередь животное, которое посредством культуры очерчивает границы своего поведения и сдерживает свою натуру [7, с. 70].

С этой точки зрения человек оказался несовершенным живым организмом, который подвержен опасности уничтожения не только из-за угроз внешнего мира, но и самого себя. Одновременно с развитием технологий это поставило вопрос о совершенствовании человека с точки зрения не столько рациональности (которая подверглась критике представителями «Философии жизни» (Ф. Ницше, В. Дильтей, О. Шпенглер, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет и др.) и франкфуртской школой (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин) и др.), сколько совершенствования его биологической основы. На помощь приходит трансгуманизм, впервые обоснованный Дж. Хаксли во второй половине XX века. «Нам нужно как-то называть эту новую веру. Быть может, полезным может стать слово «трансгуманизм»: человек, продолжая быть человеком, превосходит (или трансцендирует) себя через воплощение новых возможностей (ради своей человеческой природы» [8]. Трансгуманизм — философия, провозглашающая неизбежность и необходимость трансформации биологической природы человека посредством вмешательства геномной инженерии и внедрения в его тело технологий (от механических протезов и имплантов до цифровых чипов). *Трансчеловек* — это человек, который модифицирует свой организм/тело, стирая тем самым границу между человеческим и технологическим, все больше отдаляясь от природы и животного, и находится в переходной стадии к *постчеловеку*. Н. Бостром отмечает, что трансчеловек впервые был описан FM-2030 (фантастом Ферейдуном М. Эсфендиари) и обозначился как человек на пути к новому эволюционному виду (постчеловеку), обладающий такими характеристиками, как «бесплодность, искусственное размножение и распределенная индивидуальность» [9].

Несмотря на этот деантропологизирующий поворот в западноевропейской мысли XX века, в отечественной философской мысли исследователи придерживаются позиции отличности человека от животного и сохранения его уникальности. Во многом это обуславливается общим с западноевропейской мыслью, приведённой выше, определением человека через разум и сознание, а также посредством обозначения деятельности и труда как основного критерия для формирования человека. Так, М. С. Каган в качестве одной из основных видов деятельности человека выделял преобразующую деятельность, которая шире понятия «труд» и направлена в том числе на человека. При этом происходит как бы «раздвоение личности», при котором человек выступает как *субъект и как объект* [10, с. 53–55]. Рассматривая некоторые работы западноевропейской мысли, М. С. Каган отмечал неточность позиций отдельных исследователей, рассматривающих труд и сознание человека как две отдельные составляющие, в то время как вся советская мысль придерживалась позиции «деятельность осознанна, сознание деятельностью» (данная позиция по-прежнему является основной в современном отечественном культурно-психолого-философском дискурсе). Это хорошо отражено в идее П. С. Гуревича: «Человечество не располагает никакими другими средствами собственного возвышения, кроме сознания» [11, с. 201]. Э. В. Ильенков определял общечеловеческой предметной деятельностью душу и духовность [12]. В. С. Степин рассматривал весь культурогенез как процесс особых надбиологических программ человеческой деятельности [13, с. 41]. В. А. Лекторский, развивая идею конструктивного реализма, указывает, что вся реальность, и в том числе «Я» и идентичность человека, является результатом его конструктивной деятельности [14, с. 149–152].

Таким образом, мы можем отметить, что определения человека разнятся. Если до XX века линия определения имела общие основания (разум и сознание), то после научный дискурс разошелся. Как отмечает Н. Н. Ростова, для западной мысли характерно определение человека в онтологическом ключе, в то время как для отечественной — в антропологическом [15, с. 5–8]. Онтологический подход рассматривает человека как существо, направленное на преодоление себя (например, сверхчеловек Ф. Ницше). Поэтому французский философ Ж. Симондон пони-

мает под человеком незавершенность [16]. Антропологический подход культурфилософской мысли носит эволюционно-исторический характер (во многом сложившийся под влиянием марксизма) и не подразумевает появления превосходящего человека нового вида, но предполагает совершенствование самого человека (отсюда тяга ко всестороннему развитию).

Концепция постгуманизма в философии постмодернизма. Антропоцентризм, подкрепленный рационализированным подходом эпохи Просвещения к окружающему миру, обусловил появление кризисного состояния человеческого и гуманистического в XX веке (Франкфуртская школа), что, в свою очередь, обусловило появление деантропологизирующего процесса и деконструкции человека и культуры в философии постмодернизма.

Постгуманизм, по мнению А. Павлова, является продолжением и некой вариацией постмодернизма, и тем, что его в конечном счете упразднит [17, с. 31–33]. Именно идеи деконструкции в постмодерне (Ж. Деррида) субъекта, человека, антропоцентризма привели к формированию постгуманизма как направления, осуществляющего поиски в пространстве человеческого и не-человеческого [17, с. 27]. Если трансгуманизм — это продолжение антропоцентричной картины мира и идеи гуманизма, заложенной эпохой Возрождения, активно развитой идеологией Просвещения, то постгуманизм нивелирует центральную роль человека в культуре и мире. Человек — один из множества живых существ на планете, искусственных объектов культуры и природных Вселенной, каждый из которых играет не менее важную роль в эволюционном развитии. Таким образом, постгуманизм стремится к освобождению, как пишет А. И. Криман, человека от его главенствующей роли в мире [18].

Одним из первых исследований в философии постмодернизма стала работа Д. Харауэй «Манифест киборга», где рассматриваются киборги как предвестники деантропологизации человека. В авторском варианте киборг — «это кибернетический организм, помесь машины и организма, создание социальной реальности и вместе с тем порождение вымысла» [19]. Важным аспектом в такой позиции является создание социальной реальности, которая, по мнению Д. Харауэй, значительно отличается от привычной нам традиционной реальности дуализма. Киборг — это тот, кто снимает все оппозиции: тело и душу, муж-

ское и женское, субъект и объект, человек и животное, культуру и природу, человеческое и технологическое, человеческое и не-человеческое и т. д. В основе таких оппозиций лежит психология подчинения и господства: человека над природой, мужчины над женщиной, души над телом, субъекта действия над объектом и т. д.

В технологической культуре границы начинают размываться, поскольку в отношениях техники и человека однозначно не ясно, кто является субъектом, а кто объектом. Создавая машины, человек передает им часть своей жизни, в результате чего «ампутирует» часть себя: «Любое изобретение и любая технология, — пишет М. Маклюэн, — представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел...» [20, с. 54]. Это порождает инертность человека и безразличие по отношению к тем сферам, которые вышли из-под его контроля. Киборг — это точка схождения животного, человеческого, технологического и виртуального, мифического, а также патриархального капитализма и социальной идеологии [19].

Киборг неоднозначен, он постоянно находится в стадии формирования, он не примет двойственность (оппозиции), но и сам в свое единство включает множественность. Примечательно и тот факт, что киборг появляется там, где стираются границы человеческого и животного. И это не стремление вернуться в животное состояние, это все та же идея о снятии оппозиций между культурой и природой. Все эти оппозиции, как указывает Д. Харауэй, — это наследие эпохи Просвещения, которое неактуально и несовместимо с настоящим. Д. Харауэй уже в 80-х годах указывала на тревожную живость машин и страшную инертность человека.

Размывание оппозиций и, как следствие, границ ведет к деконструкции человеческого, отсюда идея постмодерна «смерть человека» и «смерть субъекта» (М. Фуко) вполне воплощается в реальность. Это продолжение постмодернистической критики Просвещения приводит к возникновению нового этапа — постгуманизма, в основе которого, как считает А. И. Криман, лежит движение в сторону деантропологизации. И суть этого процесса заключается в осознании, что наше отсутствие менее губительно для окружающего мира, чем то, что мы есть [18, с. 63].

В условиях современной технологической и цифровой реальности данный вопрос обозначает необходимость создания «новой антропологии». Это отмечает С. С. Аванесов, рассуждая в контексте «смерти субъекта» в культуре постмодернизма: «Поиск “нового” человека взамен “потерянного” требует как будто создания новых методов его обнаружения, то есть “новой” антропологии» [21, с. 51–52]. При этом, как бы отвечая западно-европейской мысли о стремлении человека выйти за пределы своего бытия и «мира», автор отмечает, что такой выход ведет к большей ответственности за свои действия и «обязанности перед “миром”» [21, с. 51–52].

Именно об этой обязанности перед миром и задумались во второй половине XX века мыслители, рассуждая и развивая трансгуманистическую идею в контексте постмодернистской философии, переходящей в постгуманизм и обозначающей появление постчеловека.

Понятийные поиски «постчеловека» в научных исследованиях. Итак, определение постчеловека напрямую связано с пониманием над- или не-человеческого. А сам постчеловек включает в себя множество определений, которые дают достаточно разные трактовки самого понятия. Как говорит А. Н. Криман, постчеловек — это зонтичный термин [18, с. 59]. Для осознания и понимания его «природы» необходимо создать новую антропологию, центральным решением которой будет ответ на вопрос, по какому пути должно продолжаться развитие: по пути гуманизации или деконструкции. Схожая позиция была намечена И. Хассаном в работе «The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture» в 1987 году [18, с. 59]. Тогда философом было определено, что пока мы не можем и не должны осуществлять подобный выбор.

В своей статье А. Н. Задворнов указывает на определенную проблему в связи со множеством условно синонимичных терминов постчеловека. Условно — потому как они означают не постчеловека как такового, а скорее одну из сторон постчеловеческого существа. В частности, это термины: *киборг*, *клон*, *биоробот*, *виртуальный человек (или Е-Ното)* — это «апгрейд» человека Homo sapiens, которые, в свою очередь, не приведут к появлению постчеловека [22]. Одним из вариантов такого технологического совершенствования является, по мнению А. Н. За-

дворного, Е-Номо, который представляет из себя человека, полностью погруженного в виртуальное пространство, но не являющегося постчеловеком. Для характеристик последнего, по мнению автора, важно прогрессивное начало, единство со Вселенной, а также «недостижимая для человека, но доступная постчеловеку моральная свобода и энергия созидания» [22, с. 20].

Таким образом, размышляя о понятии постчеловека, можно выделить два ключевых подхода в науке, определяющих его сущность. Первый: постчеловек — это ЕЩЕ человек — и второй подход: постчеловек — это УЖЕ не человек, а новая биотехнологическая сущность. Оба подхода предлагают разные взгляды на то, как технологическое и человеческое существуют в симбиозе; и в то же время поднимают важные философские вопросы о природе идентичности, сознания и сущности человека.

Рассмотрим разницу аргументаций каждого из них.

Научная позиция, что постчеловек является продолжением человека, но более усовершенствованным, подразумевает, что постчеловек сохраняет свою человеческую суть, но обогащен технологическими усовершенствованиями. Здесь акцентируется внимание на том, как технологии могут улучшить физические и когнитивные способности человека, не заменяя, а дополняя его. Технологические импланты, кибернетические интерфейсы и искусственный интеллект в этом контексте рассматриваются как расширение человеческих возможностей. Постчеловек остается существом биологическим, а технологии служат инструментом для улучшения его качества жизни. «В поле деконструкции, наряду с богом, автором, читателем и др., оказался и сам человек. Человек стал пониматься не как концепт, а как конструктор» [23, с. 135].

В этом подходе сохраняется ценностный и этический контекст, связывающий технологии с человеческим опытом. Человек продолжает задавать вопросы о морали, человечности и цели, и его отношения с технологиями облачены в рамки этических дискуссий. Более того, в фантастической литературе, часто предвосхищающей научные открытия, постчеловек зачастую становится более «человечным» в плане этики и морали и даже стремится к возврату «человеческого» как уникальной ценности (как, например, главный герой Рик Декарт в философии

ском романе-антиутопии Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах», 1968 г.)

Так же, как и человек, постчеловек проявляет креативность и самовыражение: в этом плане он может использовать технологии для обогащения своего творчества и самовыражения, создавая новые формы искусства, научных открытий и социальных взаимодействий.

Второй подход предполагает, что постчеловек — это уже робот в биологической оболочке. При этом упраздняется человеческая сущность, постчеловек утрачивает свои человеческие характеристики, становясь скорее машиной, облаченной в биологическую обертку. Это ведет к тому, что человеческие эмоции, мораль и идентичность становятся неотъемлемой частью управляемой, механистической системы. В этом подходе технологии не столько дополняют, сколько занимают центральное место, вытесняя человеческие аспекты. Искусственный интеллект становится знатоком, принимающим решения и управляющим алгоритмами, в результате чего человеческий элемент уходит на второй план.

Постчеловек в этом контексте представляется как изолированное существо, где социальные связи и эмоциональные настроения теряют свою значимость. Машина в какой-то степени функционирует сама по себе, выполняя задачи, не требуя человеческого взаимодействия.

Поскольку технологии становятся доминирующими, вопросы морального выбора и этики могут быть неуместны. Это ведет к формированию нового сознания, в котором классические представления о добре и зле размываются, а принимаемые решения определяются алгоритмами и данными.

Таким образом, рассматривая два подхода к понятию постчеловека, мы видим различные акценты на роли человека и технологий в его сущности. Первый подход подчеркивает синтез и симбиоз, естественное и искусственное, а второй — трансформацию и механизацию. В вопросе о том, какой подход к понятию постчеловека в настоящее время доминирует в науке, мы сталкиваемся с многогранным и неустойчивым полем исследования. Способы применения и исследования варьируются в зависимости от конкретных научных, социальных и культурных контекстов.

Идентификационные признаки постчеловека как феномена. Как уже было обозначено выше, множественность терминов вокруг понятия постчеловека содержательно раскрывают ту или иную его часть или являются этапом на пути к нему, но не обязательно его осуществлением. В этом смысле при рассмотрении постчеловека доминирует прогностический взгляд футурологии. На основе современных исследований мы можем выделить ряд идентификационных характеристик постчеловека, определяющих его как феномен новой технологической реальности.

1. Постчеловек — это новый эволюционный род людей *Homo sapiens*, который значительно превзойдет последних по физическим и интеллектуальным характеристикам. По мнению идеологов трансгуманистической философии, тот эволюционный скачок, который произошел при переходе от приматов к человеку, равнозначен тому скачку, который должен будет произойти при переходе от человека к постчеловеку [23, с. 139]. В научных работах можно встретить разные термины, обозначающие постчеловека, в частности: *сверхчеловек* (Ф. Ницше), *E-Homo* (А. Н. Задворнов), *E-существо* (А. А. Блонкин), *Homo intelligens* (Ёнедзи Масуда), *киборг*, *биоробот*, *улучшенный человек*, *человек будущего*, *человек с расширенными возможностями* (технологически усовершенствованный) и др. При этом не все из перечисленных терминов соответствуют понятию постчеловека как такового.

2. Постчеловек — это род человека, который преодолет границу человеческого и технологического, естественного и искусственного посредством интеграции с цифровыми и нанотехнологиями, благодаря которым произойдет расширение его физиологических и умственных способностей. Именно компьютерные и информационные технологии играют существенную роль в появлении постчеловека. Как отмечает Е. М. Спирова, компьютер является одной из центральных технологий наравне с каменным топором и паровым двигателем, который стал универсальным средством для улучшения качества человеческой жизни и прогресса [24, с. 24]. Это один из способов технологического расширения (М. Маклюэн), который предоставляет человеку более широкие возможности для взаимодействия с окружающим миром, вплоть до разрушения границ времени и простран-

ства: «Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты» [20, с. 5]. Вероятно, в случае с постчеловеком пределов планеты будет недостаточно, а научно-фантастические представления о путешествии в бесконечном космическом пространстве станут более чем реальностью. С расширением человека (переходящего в постчеловека) происходит и расширение его пространственного распространения.

3. Постчеловек значительно продлит свое существование. Идея иммортализма активно развивается в трансгуманистической философии. Как считают представители данного направления, человек сможет достичь бессмертия благодаря биотехнологиям и генной инженерии. Действительно, с поступательным прогрессом, развитием медицины люди значительно продлили срок своей жизни. «Мечта людей о личном бессмертии, неограниченно долгой жизни родилась вместе с ними, ибо человек рождается ради жизни, а не ради смерти. Смерть противоречит его родовым интересам, интенции к безграничному существованию», — пишет И. В. Вишев [25, с. 41]. Тем не менее бессмертие как таковое все же остается некоей фикцией, поскольку все во Вселенной имеет свой конец, а в XIX веке впервые была озвучена идея о возможной «тепловой смерти» и самой Вселенной (см. идеи Р. Клаузиуса [26]). И хотя современная наука не подтверждает данную гипотезу, вопрос о бесконечном существовании любого явления по-прежнему вызывает немало вопросов. Вероятно, относительно постчеловека мы можем говорить о самостоятельном выборе времени смерти или о потенциальном бессмертии (то есть смерть возможна, если допустить определенные условия).

4. Постчеловек находится вне человеческой морали. Это не значит, что мораль перестанет существовать. Но для постчеловека она станет иной. Постчеловек будет мыслить иначе и другими категориями, нежели современный человек.

Первой проблемой в этом ряду является этичность технологических изменений, которая была поднята трансгуманистами. Но если для них этой проблемы не существует, поскольку любое технологическое вмешательство в природу человека рассма-

тривается как благо, то противники данного подхода сравнивают подобного рода эксперименты с евгеникой и в целом с отказом от человека как такового: «На место возвышающего существующих людей гуманистического мировоззрения под разными соусами предлагаются идеи «расчеловечивания человека», сознательного или бессознательного отказа от него» [27, с. 8].

Проблема технологического вмешательства поднимает и новые аспекты неравенства, созданного ограниченным доступом к современным технологиям, и, как следствие, новой эксплуатации человека: бесконечные возможности — бесконечные варианты деятельности и труда.

Другую сторону морали поднимает идея бессмертия, порождая вопрос о необходимости религии как нравственно-морального регулятора (достаточно обратиться к идее «смерти Бога», озвученной Ф. Ницше).

Следом за идеями бессмертия встает вопрос о смысле жизни. И хотя утрата смысла жизни постчеловеком признается не всеми, опасения по этому поводу все же есть. Смысл жизни, говорит В. А. Лекторский, актуализируется в условиях смертности [28, 286–290]. Бессмертие же исключает из пространства нравственно-ценностной системы главную ценность — человеческую жизнь.

Тем не менее перечисленные проблемы не означают, что постчеловек не создаст себе иных ценностей на месте утративших свою актуальность старых. Более того, поскольку обучаемый искусственный интеллект будет отражать специфику человеческих процессов жизнедеятельности и мышления, его морали и представлений о нравственности [29, с. 655], то постчеловек, возможно, станет лучшей версией «человека», скорректировав свои этические качества под воздействием «отражения» искусственного интеллекта в целях собственной безопасности и самосохранения.

5. Постчеловек разрушает старые идентичности. Для него, в отличие от человека *Homo sapiens*, будет неактуален вопрос этнической самоидентификации, поскольку этнические и расовые характеристики исчезнут вместе с биологическим телом. Вследствие подобных изменений искусственные культурные границы также станут гибкими и, возможно, подвергнутся деструкции. Данный вопрос идентичности решить на сегодняш-

ний день достаточно сложно. И дело не в том, как пишет С. С. Хоружий, что мы не можем определить постчеловека, потому что его еще нет [30, с. 11]. Проблема заключается в разрушении всякого рода границ, а значит и идентичность становится диффузной, а сам постчеловек внеидентичен.

Продолжая линию определения человека сквозь призму его сознания и рациональности, постгуманизм рассматривает возможность появления постчеловека (пост(не)человеческого — А. И. Криман) как существа с иным мировоззрением, моралью и нравственным императивом. В случае с постчеловеком недостаточно, как для трансчеловека, внедрения технологий. Важны смена мышления и наличие сверхсознания (А. Н. Задворнов), мы бы сказали — надчеловеческого сознания. «Постчеловек может меняться, лавировать в виртуальностях, прибегать к каким угодно модификациям, но тесные взаимоотношения с техникой не являются условием его «превосхождения» и не служат цели какого-либо преодоления биологического» [18, с. 61].

Заключение. Таким образом, ключевой идентификационной характеристикой постчеловека является сверхрациональное надчеловеческое сознание, которое не может быть осмыслено человеком *Homo sapiens*, как не мог бы осмыслить рациональное мышление неандерталец. Для постчеловека характерно понимание единства со Вселенной, осознание себя частью всего и всего частью себя (снятие властных оппозиций, где человек занимает доминирующую роль). Он морально свободен. А. Н. Задворнов предлагает рассматривать эту свободу в соответствии с трактовкой А. Шопенгауэра и избавления от самолюбия, своего эгоистического «Я». Этическое совершенство, о котором говорил немецкий философ, во многом соотносится с концепцией альтруизма П. А. Сорокина. П. А. Сорокин достаточно широко понимал энергию любви, которая должна затронуть не только отдельных индивидов и их нравственное сознание, но и целые культурные системы (всеобщую культуру) и социальные институты, что приведет к преобразованию общества. «Человечество XX века не может похвастаться более высоким уровнем нравственного сознания по сравнению с каменным веком», — пишет П. А. Сорокин [31, с. 152]. Вероятно, и человек XXI века еще не дошел до новой моральной свободы. В этом смысле справедливо писали А. С. Арсеньев, Э. В. Ильенков, В. В. Давыдов

в работе «Машина и человек, кибернетика и философия» (1966), что лучшей целью для общества является создание подлинной современной человеческой культуры, в которой каждый человек соответствовал бы ее уровню, а не уподоблялся машине [32, с. 263–284]. Для того чтобы возник постчеловек, нужны не столько технологические трансформации, сколько трансформации на уровне сознания и мышления, которые неотделимы от мира культуры и общественных отношений и обуславливаются ими. «Поэтому, чтобы создать искусственный ум, хотя бы равный человеческому, придется создавать не только и не столько модель отдельного человеческого существа, сколько *модель всего грандиозного тела культуры (курсив наш.)*» [32]. Продолжая это рассуждение об ИИ, аналогично можно сказать и относительно постчеловека: чтобы создать сверхрациональное надчеловеческое сознание, необходимо обеспечить условия для появления нового «тела культуры», которое бы привело к появлению Homo intelligens или иного человека, который придет после Homo Sapience.

Список источников

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. С. С. Аверинцева, А. Н. Егунова, Н. В. Самсонова. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
3. Сенека Луций Анней. О гневе // Философские трактаты / пер. Т. Ю. Бородай. СПб.: Алетейя, 2001. 400 с.
4. Августин Аврелий Блаженный. Исповедь / пер. М. Е. Сергиенко. М.: ДАРЪ, 2005. 544 с.
5. Романчук А. В. Роль Франческо Петрарки в формировании образа сомневающегося интеллигента // Франческо Петрарка и европейская культура. М.: Наука, 2007. 252 с.
6. Джованни Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека // Textarchive. URL: <https://textarchive.ru/c-2991584.html> (дата обращения: 28.04.2025).
7. Ростова Н. Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 68–75.
8. Хаксли Д. Трансгуманизм // Эрос и Космос. URL: <https://eroskosmos.org/transhumanism/> (дата обращения: 23.03.2025).
9. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму // Wayback Machine. URL: <http://web.archive.org/web/20040718124008/http://alt-future.narod.ru/Future/trans.htm#transhuman> (дата обращения: 28.04.2025).

10. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
11. Гуревич П. С. Основы философии. М.: Гардарики, 2000. 438 с.
12. Ильенков Э. В. Обыкновенное чудо // Caute. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/rec/trivial.html> (дата обращения: 01.05.2025).
13. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб: СПбГУП, 2011. 408 с.
14. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: Канон, 2012. 384 с.
15. Ростова Н. Н. Проблема человека в современной философии. М.: Проспект, 2021. 174 с.
16. Симондон. Ж. О способе существования технических объектов // Academia. URL: https://www.academia.edu/15414715/Жильбер_Симондон_О_способе_существования_технических_объектов_сокращенный_перевод_заключения_?auto=download (дата обращения: 17.04.2025).
17. Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35.
18. Криман А. И. Постгуманистический поворот к пост(не)человеческому // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 57–67.
19. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Katalogue.anoma.li. URL: https://katalogue.anoma.li/documents/Donna_Kharauey_Manifest_kiborgov.pdf (дата обращения: 01.05.2025).
20. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
21. Аванесов С. С. К онтологии человека // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1. № 14 (22). С. 51–61.
22. Задворнов А. Н. Е-Ното и постчеловек: на пути к эволюционному расколу // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 2А. С. 16–23.
23. Криман А. И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. 2019. № 62 (4). С. 132–147.
24. Спинова Е. М. «Человек сведущий» (Homo intelligens) // Психология и Психотехника. 2014. № 1. С. 22–32.
25. Вишев И. В. Иммуортализм — новое направление гуманизма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1 (13). С. 39–46.
26. Тетиор А. Н. Возможны ли одностороннее тупиковое развитие мира и окончательная гибель Вселенной? // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhny-li-odnostoronnee-tupikovoe-razvitiemira-i-okonchatelnaya-gibel-vselennoy> (дата обращения: 01.05.2025).

27. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. 85 с.
28. Лекторский В. А. Возможно ли постчеловеческое будущее? // Человек и культура. Избранные статьи. СПб: СПбГУП, 2018. 640 с.
29. Карякин В. В. Гибридные интеллектуальные системы как симбиоз естественного и искусственного интеллектов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XXI Нац. науч. конф. с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2022. 1309 с.
30. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.
31. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. Т. С. Васильева. М.: Наука, 1997. 351 с.
32. Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука: материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики. М.: Наука, 1966. 300 с.

References

1. Platon. *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 3.* [Collected Works in 4 vol.] / transl. S. S. Averintsev, A. N. Egunov, N. V. Samsonov. Moscow: Mysl', 1994. 654 p. (In Russ.)
2. Aristotle. *Sochineniya v 4 t. T. 4* [Works in 4 vol.] / transl. A. I. Dovatura. Moscow: Mysl', 1983. 830 p. (In Russ.)
3. Seneca Lucius Annaeus. About anger. *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises] / transl. T. Yu. Borodai. St. Petersburg: Aletheia, 2001. 400 p. (In Russ.)
4. Avgustin Avrelij Blazhennyj. *Ispoved'* [Confession] / transl. M. E. Sergienko. Moscow: DAR, 2005. 544 p. (In Russ.)
5. Romanchuk A. V. The Role of Francesco Petrarch in the Formation of the Image of the Doubting Intellectual. *Franchesko Petrarka i evropejskaya kul'tura* [Francesco Petrarch and European Culture]. Moscow: Nauka, 2007. 252 p. (In Russ.)
6. Dzhovanni Piko della Mirandola. Speech about human dignity. *Textarchive* [Textarchive]. Available at: <https://textarchive.ru/c-2991584.html> (accessed 28.04.2025). (In Russ.)
7. Rostova N. N. Man on the border of the animal world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no 446, pp. 68–75. (In Russ.)
8. Haksli D. Transhumanism. *Eros i Kosmos* [Eros and Cosmos]. Available at: <https://eroskosmos.org/transhumanism/> (accessed 23.03.2025). (In Russ.)

9. N. Bostrom. Transhumanism FAQ. *Wayback Machine*. Available at: <http://web.archive.org/web/20040718124008/http://alt-future.narod.ru/Future/trans.htm#transhuman> (accessed 28.04.2025). (In Russ.)

10. Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatel'nost' (opyt sistemnogo analiza)* [Human activity (experience of system analysis)]. Moscow: Politizdat, 1974. 328 p. (In Russ.)

11. Gurevich P. S. *Osnovy filosofii* [Fundamentals of Philosophy]. Moscow: Gardariki, 2000. 438 p. (In Russ.)

12. Il'enkov E. V. An Ordinary Miracle. *Caute*. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/rec/trivial.html> (accessed 01.05.2025). (In Russ.)

13. Stepin V. S. *Civilizaciya i kul'tura* [Civilization and Culture]. SPb: SPBGUP, 2011. 408 p. (In Russ.)

14. Lektorskiy V. A. *Filosofiya, poznanie, kul'tura* [Philosophy, knowledge, culture]. Moscow: Kanon, 2012. 384 p. (In Russ.)

15. Rostova N. N. *Problema cheloveka v sovremennoj filosofii* [The problem of man in modern philosophy]. Moscow: Prospekt, 2021. 174 p. (In Russ.)

16. Simondon. Zh. On the mode of existence of technical objects. *Academia*. Available at: https://www.academia.edu/15414715/ZHil'ber_Simondon_O_sposobe_sushchestvovaniya_tekhnicheskikh_ob»ektov_sokrashchennyj_perevod_zaklyucheniya?auto=download (accessed 17.04.2025). (In Russ.)

17. Pavlov A. V. Posthumanism: Overcoming and the Legacy of Postmodernism. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2019, no 5, pp. 27–35. (In Russ.)

18. Kirman A. I. The Posthumanist Turn to the Post(in)human. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2020, no 12, pp. 57–67. (In Russ.)

19. Harauej D. The Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. *Katalogue.anoma.li*. Available at: https://katalogue.anoma.li/documents/Donna_Kharauey_Manifest_kiborgov.pdf (accessed 01.05.2025). (In Russ.)

20. Maklyuen G. M. Ponimanie Media: *Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Extensions of Man] / transl. V. Nikolaev. Moscow; Zhukovsky: CANON-press-C, Kuchkovo pole, 2003. 464 p. (In Russ.)

21. Avanesov S. S. Towards the ontology of man. *Idei i ideal'y* [Ideas and ideals], 2014, vol.1, no 14 (22), pp. 51–61. (In Russ.)

22. Zadornov A. N. E-Homo and the Posthuman: Towards an Evolutionary Split. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy about the World and Man], 2019, vol. 8, no 2A, pp. 16–23. (In Russ.)

23. Kriman A. I. The idea of the posthuman: a comparative analysis of transhumanism and posthumanism. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 2019, no 62 (4), pp. 132–147. (In Russ.)

24. Spirova E. M. «Homo intelligens». *Psihologiya i Psihotekhnika* [Psychology and Psychotechnics], 2014, no 1, pp. 22–32. (In Russ.)

25. Vishev I. V. Immortalism — a new direction of humanism. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences], 2015, no 1 (13), pp. 39–46. (In Russ.)

26. Tetior A. N. Is a one-sided dead-end development of the world and the final destruction of the Universe possible? *CyberLeninka*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhny-li-odnostoronnee-tupikovoe-razvitiemira-i-okonchatelnaya-gibel-vselennoy> (accessed 01.05.2025).

27. Kutuyev V. A. *Filosofiya transgumanizma* [Philosophy of transhumanism]. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij universitet, 2010. 85 p. (In Russ.)

28. Lektorskiy V. A. Is a posthuman future possible? *Chelovek i kul'tura. Izbrannye stat'i* [Man and Culture. Selected articles]. SPb: SPbGUP, 2018. 640 p. (In Russ.)

29. Karyakin V. V. Hybrid Intelligent Systems as a Symbiosis of Natural and Artificial Intelligence. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 17: Materialy XXI Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Modernizaciya Rossii: priority, problemy, resheniya»* [Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook. Issue 17: Proceedings of the XXI National Scientific Conf. with International Participation “Modernization of Russia: Priorities, Problems, Solutions”] / RAS. INION. Scientific Cooperation Department; editor-in-chief V. I. Gerasimov. Moscow, 2022. 1309 p. (In Russ.)

30. Horuzhij S. S. The Problem of the Posthuman, or Transformative Anthropology through the Eyes of Synergetic Anthropology. *Filosofskij nauki* [Philosophical Sciences], 2008, no 2, pp. 10–31. (In Russ.)

31. Sorokin P. A. *Glavnye tendencii nashego vremeni* [The Main Trends of Our Time] / transl. T. S. Vasiliev. Moscow: Nauka. 1997. 351 p. (In Russ.)

32. Arsen'ev A. S., Il'enkov E. V., Davydov V. V. Machine and man, cybernetics and philosophy. *Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka. Materialy Soveshchaniya po sovremennym problemam materialisticheskoy dialektiki* [Lenin's theory of reflection and modern science: materials of the Conference on modern problems of materialistic dialectics]. Moscow: Nauka, 1966. 300 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Нечаева Марина Максимовна, аспирант кафедры культурологии и педагогической антропологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55)

Information about the authors

Marina M. Nechaeva, Postgraduate at the Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, Komi Republic, 167001, Russia)

Galina M. Kazakova, Doctor of Cultural-Studies, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, Komi Republic, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 09.07.2025

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-3-86>

Культурно-художественная доминанта в контексте проблемы отбора объектов художественного наследия

Анжела Викторовна Норманская

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Россия

anzelanormansky@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-5082-976X

Аннотация. В статье рассматривается аспект аксиологической проблематики художественного наследия: проблема выбора конкретных объектов, памятников, артефактов, которые будут сохраняться в качестве элементов этого наследия. Безусловно, не все, что остается нам от прошедших поколений, может считаться истинным «наследием»; и культурное наследие в целом, и художественное наследие как его элемент представляют собой продукт социального отбора, результатом которого как раз и становится «парадигматический» статус объектов наследия, их общее признание в качестве таковых.

Вопросы сохранения и защиты художественного наследия сами по себе определенно представляют процесс аксиологического выбора, принятия ответственности за обеспечение возможности передачи наследия будущим «наследникам». Этот выбор становится особенно важным в современных условиях глобализации и культурной унификации